

цитированные нами, могут служить, как кажется, достаточным тому доказательством.⁷⁴

Таким образом, изучение синтаксических конструкций в языке переводного памятника, представляющее несомненный интерес и необходимое само по себе, в данном случае не достигает цели. Наблюдения над синтаксисом перевода явно не помогают разрешить вопрос о языковой и национальной принадлежности переводчиков, если эти последние принадлежали к носителям одного из славянских языков древнего периода.

Главным и основным критерием для возможного определения, является ли перевод южнославяноким или собственно древнерусским по своему происхождению, продолжает оставаться характерная лексика. Это — самый устойчивый компонент древнего текста, подвергавшегося неоднократным перепискам, переделкам и подновлениям со стороны языка. Поэтому методика, применявшаяся в свое время А. И. Соболевским и В. М. Истриным, хотя и нуждается в осмотнительном к ней подходе и требует в каждом конкретном случае более углубленного изучения лексики памятника, все же продолжает оправдывать себя и в наши дни.

4

Пристальное изучение языка переводных произведений позволяет поставить еще один весьма существенный вопрос, который перед исследователями прошлого не вставал, поскольку предполагался решенным заранее. Доверяя буквально свидетельству «Повести временных лет», А. И. Соболевский подобно другим ученым, занимавшимся переводной письменностью, считал само собой разумеющимся, что переводы могли производиться исключительно с греческого языка. В отдельных случаях мог возникать вопрос и об использовании переводчиками латинских оригиналов, однако в большинстве дело касалось не собственно русских, а западнославянских или сербских памятников. Наиболее четко этот взгляд был сформулирован В. М. Истриным, который в 1922 г. писал так: «Переводные произведения были главнейшим образом происхождения греческого и лишь в очень незначительном числе латинского. В XV веке присоединяются некоторые переводы с еврейского языка, совершенные в Западной Руси».⁷⁵ Это общераспространенное мнение составилось без обстоятельного исследования и нередко ставило в тупик ученых, встречавшихся с явными следами памятников несомненно еврейского происхождения в литературе киевской эпохи.

Уже давно Н. С. Тихонравовым и И. Я. Порфирьевым обнаруживались следы еврейских источников при изучении таких ветхозаветных апокрифов и сказаний «Толковой Палеи», как «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Суды Соломона», «Житие и исход Моисея», «Сказание о царе Адарiane» и др. В трудах М. И. Сухомянова, И. Я. Франко и других неоднократно указывались средневековые еврейские параллели из Талмуда и Мидраша к отдельным летописным сказаниям или к «Притче о хромце и слепце».⁷⁶ Еще более прямо ставился вопрос о еврейских

⁷⁴ См. об этом подробнее: Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»... стр. 32—33.

⁷⁵ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922, стр. 6.

⁷⁶ М. И. Сухомянов. Два семитических сказания, встречающиеся в памятниках русской литературы. — В кн.: Исследования по древней русской литературе акад. М. И. Сухомянова. СОРЯС, т. XXXV, № 1, 1908, стр. 675—677; Франко. Притча про сліпця і хромця. — Статті по славяноведенню, вып. 2. Под ред. акад.